

ДОНОНБАЕВ АЛИМ
КРСУ им Б.Н. Ельцина, Бишкек

DONONBAEV ALIM
B.N. Yeltsin KRSU, Bishkek
dononbaev40@mail.ru

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО АФГАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Азыркы Афган коомунун этносаясий маданиятынын кофликтогендүү факторлору

Ethno-political culture as conflictogenic factor of modern Afghan society

В статье раскрываются особенности развития этнополитической культуры современного Афганистана в контексте геополитических реалий международных отношений, сложившихся в условиях глобальных перемен.

Ключевые слова: этнополитическая культура; афганская история; политическая раздробленность, племенная фрагментация.

Бул макалада глобалдык алмашуу шартында азыркы Афганистандын этносаясий маданиятынын өнүгүү өзгөчөлүктөрү, эл аралык мамилелеринин геосаясий чындыгы контекстинде каралган.

Урунттуу сөздөр: этносаясий маданият, афган тарыхы, саясий чачырандуулук, уруулук фрагментация

The article reveals the features of the development of ethno-political culture of modern Afghanistan in the context of geopolitical realities of the international relations, which developed in the conditions of global changes

Keywords: Ethno-political culture, Afghan history, political fragmentation, tribal fragmentation

Современное афганское общество характеризуется как своеобразный «социум». Понятие социума употребляется обычно в контексте, когда разрозненность входящих в данное образование компонентов, представляя неповторимую «мозаичную» картину, мало способствует процессу преобразования общественного организма в монолитную целостность. Данное состояние общества выступает серьезным конфликтогенным фактором в развитии страны. Разумеется, в Афганистане есть государство, но пока еще не сформировалась такая его фундаментальная основа как единая нация. Поэтому это еще не консолидированное национальное государство (nation-state). Одна из причин такого положения кроется в доминирующей этнополитической культуре, воспроизводящей с постоянным упорством деконсолидирующий потенциал, хранящийся в глубинах сознания и поведения афганского населения.

На протяжении долгих столетий в историческом развитии афганского общества политическая культура населения реально функционировала в облике потестарно-

политической культуры. Иным вариантом ее названия выступает «этнополитическая культура». Исторически раннеполитическая надстройка, сформировавшаяся на этапе перехода от первобытнообщинного к классовому строю, играла в этнических процессах, происходящих в афганском социуме, не только стабилизирующую, но и консервирующую роль. В таком обществе, потестарные и раннеполитические структуры оказывались первостепенной важности факторами этнической консолидации и этнической дифференциации [1, с.167].

Следовательно, этнополитическая культура главным образом являет собой совокупность образцов, моделей потестарно-политического сознания и поведения человека, живущего на переходной стадии от этнической к государственной системе, и наоборот. Здесь также действует механизм культуры властных отношений, направляющий ориентации сознания и поведения человека в такое общественно-политическое русло, в котором регулирующая роль жизнедеятельности людей весьма замедленными темпами перемещается от этнических институтов к государственным или, напротив, внезапным скачком переходит от государственных к этническим [2].

Вследствие такого состояния общественной системы этнополитическая культура Афганистана в течение долгих веков остается расколотым, фрагментарным, но наряду с этим чрезвычайно устойчивым, застывшим образованием. И, как результат, данная культура не просто сопротивляется политическому прогрессу общества, но и буквально душит в своих объятиях модернизирующиеся звенья.

Раскрывая генетические механизмы «этнизации» афганского общества, необходимо обратить внимание на личностно-психологические мотивы поведенческих ориентаций человека. Суровая действительность, окружавшая жителей Афганистана с самого рождения человека, заставляла его искать убежище в родовой организации. Мир, населенный родней, выглядел комфортным и по-настоящему очеловеченным. Поэтому не могло быть страшнее трагедии, чем быть выброшенным из родового сообщества. Исключенный из состава родичей человек, попросту не мог выжить. Он лишался всех прав, привилегий и поддержки. Оставшийся один, не мог противостоять никому и его имущество могло подвергнуться разграблению. Поэтому человек, пришедший со стороны, спешил сразу же стать членом рода. Принятие кого-то в состав рода обставлялось как его второе рождение. Человек как таковой являлся составным элементом родового сообщества. Это давало ему защиту и место под солнцем. Все члены одного рода, даже не зная друг друга, считались братьями, а потому при встрече помогали взаимно и не могли отказать в просьбе сородичей. Поэтому как единокровным им запрещалось брать себе жен из своего рода. За обиду, нанесенную члену рода, должен был вступить весь коллектив. В данной связи межродовые, межплеменные конфликты сопровождают историю Афганистана с древнейших времен до наших дней.

К тому же географическая специфика, в частности труднодоступные горные массивы, разделяющие страну на различные районы, также способствовали этническому, культурному и языковому разделению населения. В этой связи особенностью Афганистана вплоть до наших дней является его невероятное этническое разнообразие, племенная раздробленность и наличие всевозможных языков и диалектов. На территории в 652 тысяч кв. км. проживает более 30 народов и огромное количество племен. В

настоящий момент население Афганистана делится на три большие группы: ирано-язычные народы – расселены преимущественно в южной и северо-восточной частях страны; тюрко-язычные народы – северо-западная часть страны; народы индо-арийской языковой группы – на востоке, граничащем с Пакистаном. Наиболее многочисленными являются три крупные этнические общности: пуштуны, таджики, узбеки. Эти три народа обладают наибольшим историческим, культурным и политическим весом в стране.

Естественно, в таких полиэтничных условиях было бы непростительной иллюзией в краткосрочном или даже в среднесрочном варианте строить планы формирования национально-государственной идентичности. Во-первых, в контексте динамики своего развития этнополитическая культура современного афганского общества менее подвижна, более стабильна, даже в определенной мере консервативна. В отличие от средних веков, когда процесс формирования и становления этнических общностей носил еще лишь

«первичный характер», так сказать, еще не освободился от диффузии родоплеменной

«фрагментации», в течение Нового и Новейшего времени мы видим картину постоянной этнической «кристаллизации», «затвердения» его стержневых черт. Поэтому интеграция этнических структур предстает как долгий, протяженный процесс. Иначе говоря, расколоть одним ударом «институционализировавшийся» этносоциальный организм подобно ореху, просто невозможно. Здесь огромную роль играют такие «затвердевшие» компоненты этнического сознания, как чувство принадлежности к определенной общности и «инаковости», «чуждости» других [2]. Именно такая специфическая черта характеризует внутреннюю суть этнополитической культуры современного Афганистана. Этническая идентификация, пожалуй, обладает наибольшей прочностью, упругостью и устойчивостью к внутренним и внешним воздействиям.

Таким образом, в этом разделенном обществе этническое восприятие и сознание до сих пор играет доминирующую роль. Наряду с этим весомый статус принадлежит и другим определителям. Иначе говоря, этнический фактор уживается с устойчивыми внеэтническими свойствами – региональными, племенными, клановыми, религиозными. Можно выделить такие знаковые понятия как кабия, каум, хель («племя», «клан», «род»), ватан, хеса, вelayат, джа, махаль («родина», «территория», «провинция», «место», дин, мазхаб («вероисповедание»)), шахри, дехоти («горожанин», «сельский житель») и др. Так, например, афганские таджики, встречающиеся во многих провинциях страны, именуется различными местными названиями: в Гератской провинции – гурии, в Кандагарской и Фарахской – дехварами, к востоку от Газни – сардехами. Точно так же при вопросе:

«Откуда ты родом?», заданном, например, белуджу, можно получить различные ответы:

«Я – белуджи»; «Я – санджарани» (т.е. из племени «санджарани»); «Я – нимрузец» (т.е. из провинции Нимруз; «Я – из Канга»; и, наконец, «Я – афганец» (т.е. житель Афганистана).

Для современного афганского населения характерно оазисное сознание. В его основе лежит идентификация по принципу самопричисления не только (иногда и не столько) к

«своей» этнической группе, сколько к территории проживания. Люди исторически селились у воды. В окружении гор ее было мало и возможности менять место жительства

были ограничены. Жители оазисов невольно вырабатывали в себе терпимость к чуждой этничности. Владелец оазиса мог не принадлежать к «твоей» этнической группе, но если он не лишал тебя доступа к воде, а, значит, к жизни, то его можно было терпеть, даже если по крови, языку и культуре он был «чужим». Примирительную роль в таких случаях мог играть и ислам, надэтническая солидаристская модель, доктрина которого акцентировала ценностную общность, а не этническую разобщенность.

В различные периоды афганской истории этнические общности, те или иные части этнических общностей и их групп в силу действия определенных политических и социально-экономических условий склонялись применять к себе определения, которые отражали суть сложившегося исторического момента. Например, во время первой и второй англо-афганских войн, судьбу которых решили ополчения пуштунских племен, сложилось устойчивое деление «афган – ференг». В период завоевательных кампаний Абдуррахман-хана в северо-западных областях современного Афганистана в конце XIX столетия стало особенно острым противопоставление «мусульманин – кафир (или кяфир)». С течением времени по мере покорения кафиров и обращения их в ислам оно исчезало. Однако название кафир в значении этнонима сохранилось. Во время пребывания советских войск в Афганистане появилось противопоставление «афганцы – шурави».

Благодаря своему геополитическому положению узлового перекрестка важнейших торговых и транспортных маршрутов, связывающих Юго-Восточную и Западную Азию со странами Средиземноморья и Европы, Афганистан, уже в раннюю историческую пору, оказался в зоне стратегических интересов различных государств. В течение многих веков эти стратегические маршруты привлекали внимание завоевателей, стремившихся распространить на эту территорию свое влияние, что, разумеется, существенным образом тормозило процесс консолидации афганского общества, мешало становлению и развитию единого государства, и формированию зачатков гражданской политической культуры [3].

Так, в 329 г. до н.э. на территорию Афганистана вступили войска непобедимого Александра Македонского. Встретив ожесточенное сопротивление и не достигнув своих целей, Македонский был вынужден оставить в покое этот край. В IV в. н.э. персидская армия Сасанидов пробовала на прочность афганскую землю, в V в. сюда вторглись племена эфталитов, в VI, по очереди – персы, индусы и тюрки, а в 651 г., завершив завоевание Сасанидского Ирана, на афганскую территорию пришли арабы. После легкой победы над Ираном, Афганистан оказался для войск халифа твердым орешком. Только лишь в 706 г. полководцу Мухаммеду ибн аль-Касиму удалось включить Кабул в состав Омейядского халифата. Затем, до середины X века, Афганистан оказывается в составе Саманидской державы. В результате опустошительного нашествия полчищ Чингисхана страна была разделена на ряд мелких ханств. Позже на афганские земли распространилась власть империи Моголов и Сефевидских шахов Ирана. Только лишь в 1747 году возникло первое княжество объединившихся пуштунских племен со столицей в Кандагаре, возглавляемое Ахмадшахом Дуррани. Однако и эта власть была недолговечной. Таким образом, вся предшествующая история Афганистана в древности, средневековье и даже Нового времени, предстает как своеобразный мозаичный калейдоскоп сменяющих друг друга лиц во властной иерархии страны, с последующим объединением и распадом территории на отдельные обломки.

Эти исторические события имели для судеб страны два, удивительным образом противоречащие друг другу, последствия. Во-первых, неустанно следовавшие один за другим завоевательные походы иноземных войск имели своим результатом закрепление отдельных групп захватчиков на покоренных землях, что превращало страну в пестрое скопление совершенно разнородных этнических элементов. Кроме этого, Афганистан как важный транзитный регион международной торговли в различные периоды истории становился центром купеческих колоний, а также притягивал к себе проповедников разных религий, открывая дорогу созданию новых общин верующих: суннитов-ханафитов, шиитов-имамитов, исмаилитов, сикхов, индуистов, иудаистов и т.д.

Несмотря на этническую пестроту, как свидетельствуют исторические факты, в периоды внешней агрессии афганцы, отбрасывая прочь межэтнические и межплеменные распри и конфликты, в подавляющем случае находили в себе силу спланироваться для единодушного сопротивления чужеземным врагам. В такие исторические моменты консолидирующим фактором в общеафганском сознании становился ислам. Восхищает, как этнически разобщенный и разделенный феодальный Афганистан в XIX в. явил миру рождение нового, опережающим образом развивающегося национального самосознания, которое сумело противостоять модернизированной армии капиталистической Великобритании. Здесь в становлении единого самосознания «дух» играл не менее важную роль, чем «материя». Как известно, порой, высоко поднявшийся «дух» попросту заменяет низко развитую «материю». Но как только внешняя угроза исчезала, зарождавшийся элемент национального самосознания в афганцах удивительным образом

«растворялся» в глубинных духовно-психологических пластах подсознания, трансформируясь в этногрупповую и даже клановую идентичность.

Данная ситуация продолжается и с определенными отклонениями воспроизводится в условиях социально-политического, экономического и культурного развития Афганистана первых десятилетий XXI в.. Следовательно, можно сказать, что современный Афганистан находится лишь на начальной фазе формирования общеафганского национального самосознания.

Список цитируемых источников

1. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – Ленинград: 1988. - с.167.
2. Дононбаев Алим. Институциональный анализ политической культуры человека: советский и постсоветский опыт Кыргызстана: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Дононбаев Алим; [Место защиты: Бишкекский гуманитар. ун-т им. К. Карасаева]. - Бишкек, 2006. - с.53
3. Дононбаев Алим. Н. Макиавелли и Дж. Локк как теоретики национального государства (некоторые параллели). Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2010. № 3. с. 296-305. Рецензент: Джусупбеков А.К. – доктор философских наук, профессор НАН КР.